за «Путешествием» Радищева в «Деревне» пишется, например, о крепостных гаремах:

Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.

Обличительная тональность «Деревни» не укладывалась в рамки умеренного либерализма. Характерно, что А. И. Тургенев писал 26 августа 1819 г. П. А. Вяземскому: «Прислал ли я тебе „Деревню" Пушкина? Есть сильные и прелестные стихи, но и преувеличения на счет псковского хамства» [48].

«Хамством» в кругу Тургеневых обозначалось крепостничество. В этом значении всегда употреблял его Н. Тургенев. И в какой-то мере А. Тургенев намекал на влияние младшего брата на дух «Деревни». Н. Тургеневу такое преувеличение было наруку. Он мог использовать пушкинское стихотворение для пропаганды своих подлинных взглядов.

Близость пушкинского стихотворения взглядам Н. И. Тургенева проявилась и в том, что Пушкин, как и все декабристы в то время, говорит об освобождении крепостных крестьян вообще, обходя вопрос о земле. Хотя это и стихотворение, но подобное умолчание не было случайным. Причины те же, что и у декабристов: Пушкин пока не задумывается над этим вопросом. Более того, ратуя за юридическую свободу, он пока не размышлял всерьез об экономическом положении крестьян. Отсюда явное противоречие между разными строками «Деревни». В начальных строках читаем:

Везде следы довольства и труда... .

А далее:

Здесь *Рабство тощее* (курсив мой.—*В. П.*).

В чем же дело?

Речь идет явно о крестьянском, а не помещичьем хозяйстве («Везде следы довольства и т р у д а»). Намека на оброчных крестьян тоже нет. Думается, что увлекшись обличением рабства, Пушкин не обратил внимания на жизненный уровень крестьян и, рисуя преимущества деревни перед столицей, создал до некоторой степени идиллию. И здесь он следовал Н. Тургеневу, обошедшему в своих статьях эту сторону проблемы.

Тургеневское влияние чувствуется и в идеализации закона:

Свободною душой закон боготворить.

В тургеневской «Политике» всячески подчеркивалась важность соблюдения законов. Например, писалось: «Под названием п о л и т и ч е с к о й с в о б о д ы разумеется то, чтобы человек не был подвержен никакому закону, на который он не изъявил своего согласия... Г р а ж д а н с к а я с в о б о д а, в точном смысле, состоит в повиновении одним таким законам» [49].

Политический радикализм Пушкина перехлестывал, однако, заданную программу. И при всей умеренности «Деревни», выражавшей умеренную программу Союза Благоденствия, невольно рождалась мысль — если отмена крепостного права не придет сверху (а это маловероятно), возможно другое решение вопроса. Так полагало и наиболее радикальное крыло Союза Благоденствия, постепенно разочаровывавшееся в легальных методах борьбы.

---

[48] Остафьевский архив князей Вяземских, I, с. 296. А 2 сентября 1819 г., получив от Вяземского его «Сибирякова», Тургенев писал ему: «Пушкин бесится, что ты отнял у него такой богатый сюжет, а я этому рад; ибо он пересолил бы самое негодование» (там же, с. 304).

[49] Освободительное движение в России, вып. I, с. 108. Лозунг законности был одним из главных даже в 1847 г. в письме Белинского Гоголю («введение, по возможности, строгого выполнения хотя бы тех законов, которые уже есть»).